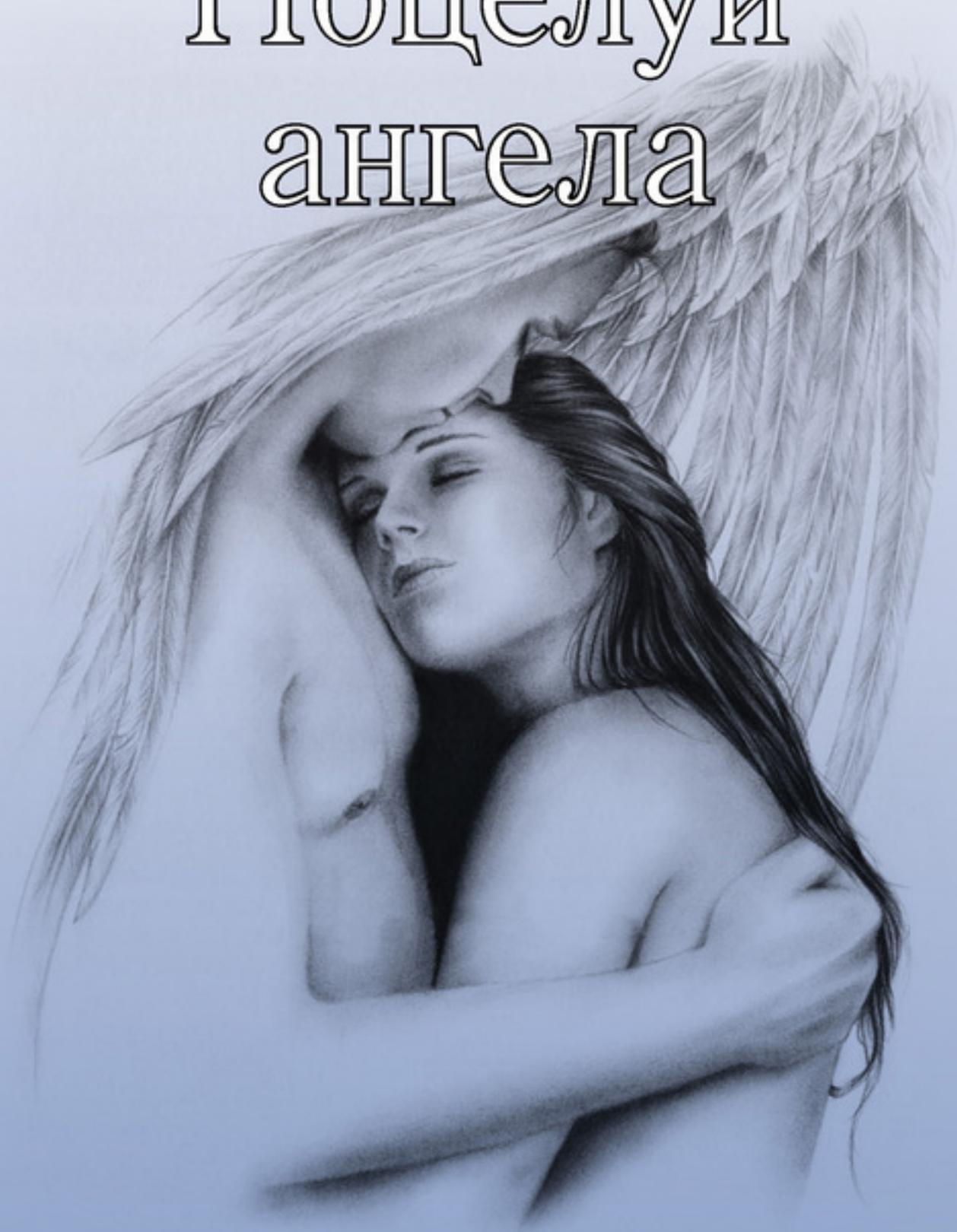

Анна Эккель

Поцелуй
ангела

Анна Эккель

Поцелуй ангела (сборник)

«Городская организация Союза писателей»

Эккель А.

Поцелуй ангела (сборник) / А. Эккель — «Городская организация Союза писателей»,

«– Поцелуй меня на прощание, – сказала Ольга, зная, что при поцелуе он заберет её душу. Парень хитро улыбнулся. Ольга же закрыла глаза и потянулась в его сторону. Её губ коснулись губы Ангела, и в этот момент у неё в груди загорелись миллионы разноцветных огоньков, и тепло покатилося по всему телу. Она обняла его и её руки коснулись шёлковых крыльев...» Книга – сборник небольших занимательных рассказов о нас с вами, о курьёзных случаях, о мистике в нашей жизни, о любимых домашних питомцах. Я вас уверяю, начав читать, вы не оставите книгу, пока не закроется последняя страница.

© Эккель А.

© Городская организация Союза писателей

Содержание

ПОЦЕЛУЙ АНГЕЛА	7
ЗАЗЕРКАЛЬЕ	11
СТО БАКСОВ	14
ЧЁРНАЯ ВУАЛЬ	17
НА БЕРЕГУ НЕБА	19
МУКИ ЛЮБВИ	21
СЧАСТЬЕ	23
МАМЫ РАЗНЫЕ НУЖНЫ	25
РОЖДЕСТВО	26
КОШКИ	31
КАРАМБОЛЬ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Эккель Поцелуй ангела

Посвящается моей матушке,

неистово любившей меня...

ПОЦЕЛУЙ АНГЕЛА

Снег валил, словно небо прохудилось, и весь его снежный запас бесконтрольно высыпался на землю. Он налипал на одежду и лицо, Ольга продвигалась на автопилоте по давно заученному маршруту. Вот и подъезд. Кто-то сердобольный поставил венику самой двери. Смела и стряхнула весь налипший снег, снова превратившись из снежной бабы в худосочную женщину в старом изношенном полупальто на «рыбьем меху».

Час прошел, как она выпила чашку горячего чая, а согреться всё никак не могла. Её било мелкой дрожью. Поняла, что это не от холода, а от обиды.

Сегодня канун Рождества и в офисе с утра началась активная подготовка к празднику. Привезли живые цветы, большое количество ярких блестящих пакетов с загадочными подарками внутри, а потом приехали из престижного ресторана и начали накрывать столы. Близился час праздника. Никто не работал, все кучковались, радостно и возбужденно обсуждая предстоящее торжество и выходные. Ольге тоже передалось это чудесное ощущение приближающегося праздника. Как вдруг к её столу подошла Тамара, разбитная девица их отдела и шепнула, чтобы она вышла, надо поговорить.

В коридоре Тамара, нервничая, сказала:

– Блин. Почему я должна делать всю грязную работу, – потом, повернувшись к Ольге и с натянутой улыбкой, зашептала скороговоркой, – Оль, понимаешь, приедут из Центрального офиса, будет сам Хозяин, начнёт обходить отделы и останется на фуршет. Ну, как тебе сказать...

– Да, не надо, я всё поняла. Я лишняя. Сейчас уйду.

– Оль, не обижайся, сама виновата. Ну, хоть бы ради праздника оделась попримечнее, ей богу...

Ольга об этом знала, её стол, по распоряжению начальника отдела, затиснули между окном и шкафом, чтобы не портила своим видом дизайн. Уволить было жалко – отличный работник, но вид удручающий. Вытянувшийся, когда-то чёрный свитер и старые короткие джинсы, на ногах ботинки – «гавнодавчики» и короткая стрижка из эконом-парикмахерской никак не вязались с интерьером и всем персоналом в целом.

Ольга осталась без праздника. Да, ещё в квартире свет погас. Пришлось опять зажигать свечу в старом подсвечнике, так как, вот уже третий вечер подряд гас свет в их подъезде. В комнате из мебели практически ничего не осталось, и она поставила подсвечник прямо на пол покрытый старым протертым ковром и сама легла рядом. Окно не было зашторено и в свете уличного фонаря тихо и плавно кружась, падали крупные снежинки.

«Хотя бы они и меня укрыли навсегда своим пушистым одеялом. Никому я не нужна и мне никто не нужен», – зло подумала Ольга.

Вдруг в дверь тихонечко постучали, она проигнорировала. Но стук повторился. Пришлось встать и открыть входную дверь. Она даже не спросила «Кто?» – ей было всё равно.

В коридоре стоял молодой человек, немного за тридцать в шикарном свитере крупной вязки и дорогуших джинсах, на ногах домашние тапочки.

– Извините, я ваш новый сосед. Вот беда, опять света нет. Свой мобильник куда-то засунул и теперь, в темноте не могу найти, у вас, случайно, не городской телефон? Можно вызвать аварийку?

Ольга кивнула головой в знак согласия и жестом пригласила гостя в комнату. Сама пошла впереди, освещая дорогу горячей свечой. Проходя по длинному коридору, ей послышался странный звук, она обернулась, парень виновато улыбнулся. Прошли несколько шагов опять этот же звук. Она насторожилась и стала припоминать, на что он похож. Вдруг её осенило – это звук перьев. Странно.

Войдя в комнату, Ольга сказала:

– Стульев нет. Телефон на ковре.

– Без проблем.

Парень легко опустился на ковер и, взяв трубку, начал набирать номер, в ответ послышались гудки «занято», следующая попытка тоже не увенчалась успехом.

– Извините. Вы разрешите немного подождать? – спросил он.

– Да, конечно.

Ольга села напротив. Трепетное мерцание свечи. Она невольно залюбовалась гостем. Идеальное телосложение. Наверное, именно такую широкую спину имеют в виду, когда говорят выйти «ЗА мужа».

За такой спиной действительно, ничего не страшно.

– Тишина. Говорят в этот момент «Ангел пролетел», – сказала Ольга.

Я не пролетел, а прилетел – сказал гость и улыбнулся.

– Как это?

– А вот так. Я – ангел, и зовут меня Серафим.

– Ага, а я тогда – Анджелина Джоли.

– Почти.

Ольга подозрительно посмотрела на парня.

– Не веришь?

– Нет.

– Проси, что хочешь, всё исполню!

Ольга испугалась такого оборота, а про себя подумала, вот психа пустила в квартиру, теперь точно – ку-ку.

– Что значит – «ку-ку»?

Ого, и мысли читает, ничего себе. Сейчас проверим:

– А сделай так, чтобы я заплакала.

– Странное желание. Первый раз слышу. Ну, плачь, если хочется.

Ольга твердо знала, что это желание невыполнимо, когда у неё случилась трагедия, то окаменела, не то, что смеяться, плакать не могла, вот уже какой год.

Но вдруг, она почувствовала, как задрожала всем телом, начала всхлипывать и по щекам потекли такие долгожданные, невозможные слёзы. Они катились, обжигая щеки и облегчая душу. Оказывается, у неё есть душа и она живая. Ольга не могла, да и не хотела останавливаться. Ей надо было выплакать пережитое горе, которое осталось у неё внутри. Всё было просто, случись кто-то рядом в то трагическое время, который посочувствовал бы ей, погладил по голове и утешил, не успела бы она окаменеть.

Серафим посчитал достаточным и, чтобы прекратить рыдания, протянул белоснежный платок.

– Ну, ладно, можешь ещё что-нибудь пожелать, а то мне пора.

– Поцелуй меня на прощание, – сказала Ольга, зная, что при поцелуе он заберет её душу.

Парень хитро улыбнулся. Ольга же закрыла глаза и потянулась в его сторону. Её губ коснулись губы Ангела, и в этот момент у неё в груди загорелись миллионы разноцветных огоньков, и тепло покатилося по всему телу. Она обняла его и её руки коснулись шёлковых крыльев.

Когда утром Ольга проснулась, то её душа пела и радовалась солнцу, которое заглядывало в окно, а в руке она сжимала необыкновенной красоты платок с инициалами А.С. БАЗИЛЬ

Раздался резкий и нетерпеливый звонок в дверь. Это в первый же день долгожданного отпуска! Кто-то сейчас, точно, получит по шее. Не спрашивая, резко распахнул дверь. На пороге стояла любимая соседка – пенсионерка в цвете лет Елена Ивановна. Почему любимая? Да потому что она, как умудрённая жизнью женщина, помогала мне во всём, что касалось

домашнего быта, так как я молодой, ну почти молодой, холостой мужчина. Словом, она – моя спасительница.

Елена Ивановна была встревожена не на шутку. Я, плотнее запахнув длинный махровый халат и сменив зверское выражение лица на приятную улыбку, жестом пригласил её войти. Она быстро, отлично зная мою огромную квартиру-студию, прямым курсом направилась к дивану. Присев, экзальтированно произнесла:

– Коленька, вы должны меня спасти – просто больше некому.

Я весь напрягся, так как знал свою соседку как очень спокойную и сдержанную в проявлении чувств женщину.

– Что случилось? Вы на себя не похожи!

– Вы понимаете, мне вчера принесли мою мечту – котенка-вислоушку от знаменитых родителей. Я так долго о нём мечтала и ждала. И вот случилось это чудо...

Она замолчала, скромно теребя кружевной платочек в руках. Честно говоря, я больше ни у одной женщины не видел этой милой привычки. А как очаровательно выглядит дама с этим забытым атрибутом пленения мужских сердец. Жаль...

– Я вас внимательно слушаю. В чём должна заключаться моя помощь?

– Коленька, мне позвонила сестра и сообщила, что её единственная дочь, завтра выходит замуж, и я обязательно должна быть, а живут они на другом конце страны. Самолет через два часа, а котенка не с кем оставить. Я могу доверить его только вам!

Она изящно поднесла кружевное чудо к сухим глазам.

– С радостью выручил бы вас, но кошки и все домашние животные – это не моё. Мы живём на разных планетах.

– Я вас умоляю, – на выдохе шепотом произнесла соседка, слёзы были уже на подходе.

Понял – не отвертеться.

– Ну, я не знаю, могу взять, но всю ответственность с себя снимаю.

Подумав про себя, что сбегу на время китанса кому-нибудь из моих подружек, хоть одна, да должна быть кошатницей.

– Несите зверя.

Елена Ивановна со скоростью света перетащила всё ко мне, боясь, что я могу передумать. Среди груды вещей и мисок я не видел котенка.

– А где сам-то?

– Да вот же он!

И она указала на крохотный серый комочёк, который мирно спал, затерявшись среди своего приданого.

– Знакомьтесь, это – Базиль.

Я протянул руку и одним пальцем погладил комочек, комочек заурчал.

– А вот это – самое главное, – с этими словами соседка вложила мне в руки огромный том из отксеренных страниц.

– Что это?

– Это инструкция к котенку.

– Да я её до вашего приезда не прочту! Но Елены Ивановны уже и след простыл.

Посидел на диване, чтобы осмыслить всё происшедшее и, немного придя в себя, начал обзвон. Прошелся по всем номерам из записной книжки. Никого не нашёл: если и имели живность, так только вроде Йорков, то есть маленьких собачек, чтобы в сумочках таскать на тусовки. Оказывается это модно – вместо женственных кружевных платочков.

Отменив планы и приятные встречи, я весь день занимался устройством нового жилья. К вечеру устал так, что заснул прямо на диване. Во сне снилось огромное количество котят. Помню, бабушка говорила, видеть котят во сне – к неприятности. Вдруг ко мне подходит очень

даже симпатичная девица и тянется с поцелуем, потом у неё вырастают усы, и она смешно щекочет ими мой нос.

Я проснулся. На груди сидит котёнок и старательно вылизывает мне губы, щекоча своими усиками мой нос. Когда он увидел, что я открыл глаза, перестал заниматься своим увлекательным делом и стал внимательно смотреть на меня.

Вы когда-нибудь видели выражение мордочки вислоухого котенка? Этот неповторимо уккоризненно-обиженный и не по возрасту мудрый взгляд янтарных глазок. Серьёзность им придают необыкновенной формы ушки. Я хотел погладить малыша, но моей ладони хватило, чтобы полностью накрыть его крохотное, пушистое тельце. Через шёрстку прощупал маленькие и хрупкие косточки. Сердце дрогнуло от нежности, а в голове пронёсся слоган из рекламы: «Котёнок, словно ребенок. Будь для него хорошей ма... папой»!

Прошло несколько дней. Елена Ивановна звонила три раза на день. Я отчитывался. Она успокоилась и решила остаться в гостях подольше. Мы с Базилем отработали всё до автоматизма. Вечерами, лёжа у меня на плече, он составлял мне компанию по просмотру чемпионата мира по хоккею. И когда была проведена победная комбинация, я вскочил и закричал от радости. Что-то мелькнуло и упало на пол. У меня оборвалось сердце, это был котенок и он лежал на полу без сознания. Я склонился над тельцем и, бережно взяв его на руки, поднес к уху – сердечко билось.

Схватив ключи от машины, выскочил на улицу. Не помню, как оказался в приёмном покое Склифа, дежурные врачи и больные, сгрудившись около меня, отсмеявшись, дали адрес самой крутой ветеринарной лечебницы. Я летел по городу, нас там ждали.

Оказалось сломана лапка – наложили гипс, от удара образовалась гематома мозга – это страшнее. Предупредили – котенку нужен тщательный уход, но последствия всё равно останутся. С Айболитом расстались друзьями. Всю ночь не спал, держал своего База на ладони, прикрывая для тепла другой. Утром, когда малыш открыл глазки, у меня в душе от радости запели соловьи. Но звонок соседки привел меня в чувство, она сообщила, что уже купила билет на обратную дорогу. Ужас!

Промаявшись час, я нашел выход. Котёнок был у неё всего два дня, и она не могла хорошо запомнить его. Надо срочно достать дубликат, в этом помог Айболит со своими огромными связями в кошачьем мире.

Они были словно отражение в зеркале, никто не смог бы понять, где Базиль, а где его двойник. Я был этому дико рад, так как Баз автоматически оставался у меня. Как эта пушистая кроха смогла прирасти к моему огрубевшему сердцу за столь короткое время – непонятно?

Возвращение Базиля – двойника прошло без сучка и задоринки. Только через неделю, встретившись с Еленой Ивановной на лестничной площадке, она, хитро улыбнувшись, сказала:

– Не пойму, как это могли ошибиться в поле котенка? Выписали документы на кота, а отдали кошечку.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Очередь в кассу была мучительно длинной. Впереди меня стояла древняя старушка, виду неё совсем удручающий. Вся сгорбленная – позвоночник не выдержал многолетней эксплуатации. Спина согнулась и скужилась. Голова тряслась. Руки были искалечены безжалостным артритом и походили на птичьи лапы. При виде её меня покорила мысль, что через шестьдесят лет я буду выглядеть не лучше, если, конечно, доживу до её возраста. Наконец дошла и наша очередь. Бабуля выложила свои продукты: батон хлеба, в котором не было муки, и пачку самого дешёвого молока, в котором не было молока, и стала выгребать мелочь. Кассирша зло посмотрела на бабушку. Это был взгляд, который мог убить. У старухи были копейки, и она никак не могла набрать нужную сумму. Я пододвинула свой большой и разнообразный набор снеди к её скудному и сказала:

– Посчитайте всё вместе.

Старуха по-вороньи повернула голову в бок, чтобы посмотреть на меня. Поразили глаза: да, они по старушечьи слезились, но были жгуче-черного цвета. Я невольно вздрогнула от этого пронзительного взгляда.

Пока я складывала в пакет продукты, она скрипучим голосом всё твердила:

– Деточка, мне как-то неудобно перед вами. Вы же остались без еды, а для меня это слишком много.

– Ничего, бабуля, покушаете за моё здоровье. Наверное, будет тяжело нести? Давайте-ка я провожу вас. Показывайте дорогу.

Выйдя из магазина и свернув во двор, оказались около старой пятиэтажки.

– Вот и дошли, – довольным голосом проскрипела спутница.

– Чем же мне тебя, милочка, отблагодарить-то? А хочешь узнать своё будущее?

С этими словами бабуля снова по-вороньи повернула голову набок и стала внимательно смотреть на меня. По спине пробежал холодок, но я была молода, неопытна и любопытна. После паузы я согласилась.

Квартира находилась на первом этаже. Старая обшарпанная дверь со скрипом открылась. Загорелась тусклая лампочка, освещая какие-то завалы по углам. Коридор был узким, мы еле протиснулись. Тем неожиданно пустой и просторной оказалась комната. В ней ничего не было, кроме большого старинного зеркала в центре, накрытого чёрной тканью.

– Ну, лапушка, подходи поближе, не пугайся. И чтобы ты мне поверила, сначала покажу то, в чём ты не усомнишься.

Она подтолкнула меня ближе к зеркалу. Стало как-то не по себе, и я пожалела, что согласилась на сомнительный эксперимент, но было поздно.

– Только одно условие. Ты не должна оборачиваться, а то случится непоправимое. Поняла?

– Да.

Старуха встала позади меня и начала что-то нашептывать, сначала совсем тихо, а потом всё громче и громче и в конце я совсем не узнала её старческого скрипа, непонятные слова выкрикивал молодой и звонкий голос. И с последним словом ткань почему-то не упала на пол, а стала подниматься и под потолком совсем исчезла.

Я увидела своё изображение, а за моей спиной стояла юная цыганка с распущенными смоляными волосами, она улыбалась и только по чёрным глазам я узнала свою бабулю.

Потом словно ветерок подул, изображение зарябило, а когда восстановилась ровная поверхность, то я увидела лес, пронизанный солнечными лучами, и девочку, идущую по тропинке. Птички поют, прославляя приход весны, и сердце девчушки им вторит стихами:

*Иду по лесной тропинке, деревья тихо шумят.
Росинки, словно слезинки, на их листочках дрожат.
Задела неосторожно кустику один я рукой,
И полетели росинки, словно дождь проливной.
Итак всё вокруг красиво: и небо, и солнца восход.
Вот, ото сна пробудившись, гусеница ползёт.
А в небо высокое, чистое, жаворонок взлетел,
Радостно крылья расправил, весело песню запел.
Он пел о Весне пригожей, возвещая её приход,
И о том мальчишке тоже, что в сердце моём живёт.*

Девочка, поравнявшись с большим кустом, провела по нему рукой, и миллионы бриллиантов-росинок щедро рассыпались в лучах солнца. Она звонко засмеялась и скрылась за деревьями.

Я узнала себя и тот счастливый весенний день, когда сочинила своё первое стихотворение.

– Ну а теперь твоё будущее...

Опять зеркало покрылось рябью и прояснилось.

Темно и сумрачно вокруг. С трудом различаю пожилую женщину. На голове черный платок – траур. Она смиренно стоит в самом углу. Понимаю, что это большой храм. Кое-где, как светлячки, мерцают маленькие огоньки свечек. Мои глаза постепенно привыкают к полумраку, и я различаю, что рядом с ней стоит пожилой мужчина в военной форме и с жалостью смотрит ей в лицо, но она его не видит. Это её муж, он умер, но она никак не может смириться с потерей и не отпускает его. Он протягивает руку и с любовью и нежностью гладит её по щеке. Она встрепенулась, но не понимает в чём дело. Вдруг откуда-то сверху, упал луч и осветил фигуру военного. В этот момент женщина увидела мужа:

– Алексей! – на выдохе прошептала она.

– Я пришел попрощаться. Отпусти, не мучь меня, – глухо отозвался он.

– Боже, как я тебя люблю!

– Тогда отпусти...

Иди. Иди.

Тебя я отпускаю.

Зачем оставил ты меня? Жизнь по-другому потекла: Есть всё: друзья, внук, дети. Забота их и теплота.

А рядом грусть и скука. И нет тебя...

Иди. Иди! Тебя я отпускаю. Да, отпускаю навсегда. Любя. Любя. Любя.

Призрак медленно растаял в исчезающем луче. Снова наплыл вязкий сумрак. Женщина первый раз за всё время горько заплакала, почувствовав, как у неё на душе становится легко.

Я же плакала по эту сторону зеркала.

– А можно что-нибудь изменить?

– Теперь уже нет. Узнав своё будущее, ты дала согласие на него.

Меня кто-то тряс за плечи.

– Девушка, девушка! Вы слышите меня?

Открыла глаза. Передо мной на коленях стоял молодой офицер:

– Ну и хорошо, а то я испугался, что придется вызывать «скорую». Целы, ничего не сломали? Вы так внезапно упали, что я не успел подстраховать.

Я с трудом поднялась и огляделась. Узнала родной магазин, до которого не успела дойти.
– Девушка, разрешите вас проводить? Меня зовут... Я его перебила:
– Вас зовут Алексеем.

P.S. Стихи принадлежат моим добрым знакомым, которым и посвящен рассказ – Александре и Людмиле.

СТО БАКСОВ

До весеннего женского праздника оставалось всего несколько дней. Настроение у всех было соответственно приподнятое. Вот только, пожалуй, Татьяна Ивановна, старая и больная женщина, одиноко проживающая в крохотной комнатке большой коммуналки в Центре города, не радовалась приближению весны. Как-то она не рассчитала в этом месяце и не уложилась в свою маленькую пенсию. Вероятно, неожиданная квитанция за оплату коммунальных услуг очень подорвала скромный бюджет старушки. Тем более, что она была напечатана на угрожающе розового цвета бланке, а это значит – долговая. Татьяна Ивановна видела по телевизору, как после получения такого извещения через очень короткое время приезжают злые люди в форме и выселяют должников на окраину в страшные дома, где живут одни алкоголики и наркоманы. Их, алкоголиков, она не боялась, сколько перевидала на своём веку, живя более пятидесяти лет в одной и той же коммунальной квартире. Она боялась стыда. Бедная старая женщина не могла найти себе места от волнения. Что делать? И, наконец-то, все-таки решилась.

Раньше, когда ещё не гоняла милиция, она имела свой маленький «бизнес»: продавала связанные ею кружевные салфеточки в подземном переходе. Стояла в длинной шеренге стихийных разнокалиберных продавцов. Из местных, то есть москвичек, она была одна, остальные «коробейники» – все приезжие, но это был сплочённый интернациональный коллектив. Дружили, помогали друг другу выживать, имели своих «смотрящих», которые стоя наверху на улице, отслеживали приближение милицейского патруля и давали знать торгующим внизу, что пора «делать ноги». Все рассыпались в разные стороны, словно горох, растворялись среди толпы. Татьяна Ивановна гордилась, что за всё время торговли не была ни разу поймана. Товару мало, несколько салфеточек она ловко и быстро прятала у себя под старым пальто. И, взяв в руки выдавшие виды авоську, вливалась в поток прохожих. Честно говоря, эти салфетки никому не нужны были. Но люди стыдились такой нищенской жизни старой женщины, которая не могла допустить и мысли просто просить милостыню. Она пыталась «заработать» деньги доступным ей способом. Сердобольные прохожие делали вид, что покупают эти трогательные изделия, а в действительности просто подавали милостыню. Цену мастерица назначала очень скромную и всячески пресекала попытки покупателей не брать сдачу.

Несколько лет назад, перед самым Рождеством, шла «бойкая» торговля. Изделия Татьяна Ивановна заготовила заранее и количеством больше, зная, что перед праздником всегда торговля хорошая. С самого Нового года, почти без отдыха работала крючком, вывязывая ажур из простых ниток. И в этот день словно почувствовала, что надо взять с собой весь «товар». Действительно, начало было удачным, сразу же продала аж две салфетки, и потом продавцы по цепочке сообщили, что в местном отделении милиции сегодня вечером будет собрание, это означало, что патруль не приедет, и их никто «гонять» не будет. Все успокоились, торговля шла на славу. Вдруг из толпы отделился парень и подошел прямо к Татьяне Ивановне. Окинув её взглядом и, не смотря на товар, спросил:

– Сколько стоит?

Она назвала цену и дрожащими руками стала расправлять изделие, чтобы показать товар во всей красе, понимая, что парню вряд ли нужна салфетка, и он не покупатель. Но, к её удивлению, он осторожно взял накрахмаленное до хруста кружево, спросил:

– А ещё есть?

– Да, да, – запинаясь, ответила старая женщина.

– Сколько штук?

– Четыре.

– Беру все, – и с этими словами вытащил банкноту и протянул ей. Татьяна Ивановна сказала, что у неё не будет такой большой сдачи.

– Сдачи не надо.

– Что вы, как можно!

Парень улыбнулся – поколение Ангелов, копейки лишней не возьмут, даже стараться искушать их бесполезно. Гранит. Он пошарил по карманам, вытащил завалившуюся купюру и передал ей. Забрав салфетки, исчез.

Татьяна Ивановна, необыкновенно довольная собой, с Рождественской радостью в душе, раньше времени оказалась дома. Ей не терпелось посчитать деньги, которые она заработала за день. Такой большой выручки у неё ещё никогда не было! Захватив кошелёк, и удобно расположившись за столом, предвкушая радостное занятие, всё никак не могла заставить себя открыть его. Она медлила, оттягивая это давно забытое чувство, чувство радости. Наконец, открыв кошелек, вытряхнула всё его небольшое содержимое на стол. Вот кучка скомканных бумажек. Она любовно начала брать по одной банкноте и, разглаживая каждую, укладывала в стопочку. Когда все деньги закончились, на столе обнаружилась незнакомая бумажка, аккуратно сложенная в несколько раз. Татьяна Ивановна осторожно развернула её. Она поняла, что это иностранные деньги, но что с ними делать и как они попали к ней? Промучившись весь вечер, решила, что лучше всего показать денежку соседу Саиду, который занимался торговлей, а он уж точно скажет ей, что это такое.

Еле дождавшись, когда Саид вернется с рынка, вышла в коридор и, отозвав его в сторону, спросила:

– Саид, скажи, пожалуйста, что это за деньги?

– Соседка, как можно не знать этого? Это – сто баксов.

– А это сколько нашими деньгами будет?

– Три тысячи, бабуля.

У Татьяны Ивановны перехватило дыхание от услышанного.

– А что теперь с ними делать-то?

Саид посмотрел на неё, как на маленького и несмышленного ребенка.

– Всё! Что хочешь, то и делай. Хочешь в Сбербанке меняй, хочешь у Саида поменяй. А лучше, мать, скажу тебе, оставь их на «чёрный» день, и курс к тому времени вырастет – то есть больше дадут наших денег.

Татьяна Ивановна не спала всю ночь. Всё вспоминала, как могли попасть к ней эти «баксы». И поняла, что это тот парень, который купил все салфетки, как-то умудрился сунуть ей эту купюру. Она еле дождалась следующего дня. Решив, что он нечаянно передал ей деньги и сегодня непременно вернется за ними. Татьяна Ивановна ждала его целый месяц и ещё месяц. Когда же поняла, что парень уже не придёт, она, помолвившись, спрятала банкноту за икону, как сказал Саид, на «чёрный» день.

Вот, похоже, он и настал этот день. Сильно волнуясь, она пришла в Сберкасса, называя так по старинке Сбербанк. Здесь она бывает каждый месяц, аккуратно оплачивая присылаемые квитанции, и видела в конце зала отгороженное стеклом помещение, где меняют деньги разные люди. Теперь она должна была подойти и превратить доллары в спасительные и так нужные ей сейчас рубли. Специально выждав, когда около окошечка никого не стало, Татьяна Ивановна, смущаясь, протянув купюру, сказала:

– Здравствуйте. Пожалуйста, поменяйте мне доллары на наши деньги.

За стеклом сидела приветливая и миловидная девушка. Она подняла глаза и оценивающе посмотрела на старушку. Взяла в руки купюру, посмотрела на неё, потом снова на старушку и, слегка наклонившись к окошку, тихо, шёпотом сказала:

– Бабушка, я, конечно, могу вызвать милицию, но я этого не буду делать. Ваши деньги фальшивые, а за это сажают в тюрьму.

У Татьяны Ивановны сильно кольнуло в сердце, она никак не могла подумать, что такое может случиться.

– Бабуль, ты иди потихонечку отсюда, пока никто не заметил, а я никому не скажу, а баксы уничтожу.

– Спасибо, доченька! Спасибо...

И на ватных ногах она еле вышла на улицу. Не хватало воздуха. С горем пополам дошла до дома. Не раздеваясь, взяла со стола страшную долговую квитанцию и бессильно опустилась на диван.

При закрытии банка Елена, которая работала в обменнике, позвонила своему кавалеру и сказала:

– Сегодня гуляем, приглашаю тебя в бар.

– У нас же денег нет.

– Уже есть, – весело ответила довольная Елена, крутя в руке стодолларовую купюру старушки.

На следующий день соседи по коммуналке нашли Татьяну Ивановну мертвой, сидящей на старом диване и сжимающей в руке розовую долговую квитанцию. На что проворная соседка сказала, показывая на бланк:

– Это фальшивка. Кто-то разбросал их по всем почтовым ящикам, в надежде на лохов.

ЧЁРНАЯ ВУАЛЬ

Наступила «звездная» пора – это когда всюду цветут замечательные цветы – астры. Их цветовая палитра кружит голову и сводит с ума многих.

Андрей с грустью посмотрел в окно своего кабинета, там было беспросветное сентябрьское небо. «Что-то рановато сегодня осень-то. А где обещанное бабье лето?» – подумал он. Из тучки безнадежно моросило. Удручающая картина не вселяла никаких радостных мыслей.

В небольшом со вкусом обставленном кабинете хозяину, страшному аккуратисту и эстету было уютно, как в норке. Уборщице строго-настрога было запрещено что-либо переставлять. Андрей обвел взглядом свои владения, и у него потеплело на душе, взглянул на журнальный столик, который украшала изящная ваза, а в ней, конечно же, стоял прекрасный букет «по сезону» из фиолетово-сиреневых астр.

Ваза эта – недавнее приобретение. На блошином рынке он увидел её в руках древней старухи, которая мялась от стеснения и никак не могла полностью продемонстрировать «свое сокровище» целиком. Когда Андрей взял вазу в руки и посмотрел на просвет, его сердце учащённо забилося. Ошибки не могло быть. Начало XX века – модерн и точно – знаменитый Эмиль Галле. Он с безразличным видом, дабы не выдать бурю эмоций и свою заинтересованность, небрежно спросил:

– Бабуль, сколько просишь?

– Ой, милоч, не знаю. Эта вещь моей бабки. Умирая, велела хранить её до последнего, видно, дорога она ей была, что ли. У меня наследников-то нет, а что случись, выбросят на помойку и всё. Вот и решила продать, деньги больно нужны. Чую, непростая ваза-то.

Андрей небрежно покрутил в руках бесценный предмет и равнодушно вернул старухе:

– Она даже не хрустальная, а из простого стекла. Вряд ли ты её вообще продашь. Если хочешь, дам тебе рублей сто и то, уважая твой возраст. Ну, думай. Я ещё здесь погуляю, а когда буду уходить, подойду ещё раз...

Мучительно тянувшийся рабочий день закончился, и Андрей отправился домой привычным маршрутом. Шёл он неторопливо, поглядывая по сторонам, словно прогуливаясь, так как дома его никто не ждал.

Вдруг он увидел её.

Незнакомка шла впереди Андрея не спеша, медленно покачивая бедрами, обтянутыми драпом узкой юбки. Тонкие кисти рук были в дорогих чёрных перчатках. Лицо почти полностью скрывала густая вуаль от миниатюрной шляпки, которая чудом держалась на изящной головке, с искусно уложенными волосами. Можно было рассмотреть только прекрасный изгиб подбородка цвета персика, с кожей, как атлас, дальше всё скрывал приподнятый воротник. Ах, да... Ещё маленькое изящное ушко, на которое игриво спускался небольшой завиток из светло-русых золотистых волос.

Всё в ней притягивало и звало. Хотелось дотронуться губами и вдохнуть запах этой юной кожи, которая непременно должна пахнуть какими-то нежными цветами. А ножки были совершенство – словно точёные, и на них – прозрачные капроновые, темно-серые чулочки, а самое главное и интригующее – по всей ножке шёл шов, идеально прямой и натянутый как струна. Это великое женское искусство – носить такие чулочки. Немногие рискнут надеть их.

Андрей неотступно шёл за незнакомкой, словно на веревке. Он уже давно прошёл свой поворот к станции метро. Вот они свернули с ярко освещенной центральной улицы и шли сквозными петербургскими дворами-колодцами. Он несколько раз пытался прибавить шаг, но никак не мог догнать таинственную даму. Расстояние между ними не сокращалось, оно равнялось вытянутой руке – ни больше, ни меньше.

Андрей почувствовал, что задыхается от быстрой ходьбы и рискнул окликнуть незнакомку:

– Прошу вас. Остановитесь...

Она остановилась. У него перехватило дыхание. Он медленно подходил к ней, и от предвкушения увидеть прекрасное лицо гулко стучало в висках. Таинственная дама стояла, не поворачиваясь к Андрею. Ему пришлось обходить свою обольстительницу, чтобы увидеть её юное личико, но истина была покрыта мраком. Он встал напротив незнакомки и жестом указал на вуаль. Дама повиновалась. И чем выше она поднимала ее, тем сильнее у Андрея холодела кровь. От увиденного он невольно вскрикнул и прошептал:

– Это за вазу...

Он не мог оторвать взгляда. Там, где должно быть живое человеческое лицо, не было НИЧЕГО!

Словно пустая заготовка для художника, который забыл нарисовать его своей волшебной кистью, гладкая поверхность идеального яйца.

В морге, куда поутру привезли Андрея, констатировали инфаркт.

Уборщица, войдя в кабинет, недовольно покачала головой, увидев разбросанные по журнальному столику фиолетовые астры.

– А где же ваза? – без особого интереса спросила она.

НА БЕРЕГУ НЕБА

В старом районе города, где-то между улицей Селезнёвской и переулком Достоевского, затерялся маленький островок старой Москвы. Он был аккуратно застроен двухэтажными деревянными домиками с непременно палисадниками. Цветы и трава здесь не росли, так как земля уже давно отдала всю свою живительную силу. Только старые кусты сирени, достигнув своей максимальной высоты, окружали дома. Они давали густую тень летом и обильно-сказочное цветение по весне. Вся маленькая улочка словно плыла среди сиренево-фиолетовых облаков и пронзительно пахла пьянящим, обворожительным запахом необыкновенных цветов. Был май. Мы стояли в комнате на втором этаже, в окно которой заглядывали ветки с богатыми гроздьями сирени. Только что прошел короткий живительный дождик, и запах усилился так, что голова кружилась, как от дурмана. Я была здесь по делу, подыскивала комнату для временного проживания, прочитав объявление о сдаче таковой, пришла посмотреть. Она была небольшой. Из мебели сохранились: старинный широкий диван с высокой спинкой и валиками по краям, круглый стол и два венских стула. С потолка, украшенного незатейливой лепниной, как раз посередине, свисал шнур, который заканчивался абажуром матового стекла в виде цветка колокольчика или ландыша, с такой же нежной оборкой по краю. Ценность плафона мой наметанный глаз оценил очень высоко – он был ровесником дома.

Я подошла к окну и протянула руки, огромная и тяжелая от влаги кисть сирени опустилась в мои ладони, и они тотчас наполнились благоухающей влагой. Не выдержав искушения, умылась сиреневой водой. Старая женщина, которая показывала мне комнату, замолчала на полуслове. Я повернулась. Она же смотрела на меня, как на привидение. Потом начала рассказывать:

– Извините. Я просто испугалась. Она тоже так же делала – умывалась сиреневой водой.

– Кто она?

– Женщина, которая жила здесь. Её звали Любовью. До революции это был дом её семьи. Потом она занимала только эту маленькую комнату. А мы – две больших соседних. Наша семья состояла из четырех человек – я, моя дочь, зять и маленькая внучка. С соседкой всегда были дружны до одного случая. Дочь вышла замуж по любви, вскоре родилась внучка. Но что-то не заладилось между молодыми. Однажды я застала Наталью всю в слезах, тогда она мне и открылась. Оказывается, они никак не могли договориться в постели. Виктору хотелось больше, а дочь оказалась очень скромной в своих интимных желаниях. Вот беда-то. Зять ходил всё время злой, срывался по каждой мелочи, Наталья – как в воду опущенная. Но однажды, вот такой же сиреневой весной, случилось непонятное. Виктора словно подменили. Радовался, смеялся, улыбка не сходила у него с лица. Он был счастлив. Мы с дочерью никак не могли уразуметь причину такой перемены. Даже стали за ним шпионить, не на сторону ли он повадился? Уходил и приходил с работы в одно и то же время. В выходные оставался дома, чего раньше не бывало. Но вскоре всё открылось. Слово гром среди ясного неба. В страшном сне такое не могло привидеться.

Было воскресенье, дочь дежурила, а мы с внучкой пошли погулять в соседний парк, зять оставили дома смотреть телевизор. Вдруг я спохватилась, забыла дома кошелек, а ведь хотела купить хлеба на обратном пути.

Оставив девочку под присмотром играть с подружкой, поспешила домой. Осторожно открыла дверь и, не шумя, вошла в коридор. Телевизор не работал, подумала, что зять спит. Но, проходя мимо приоткрытой двери соседки, услышала странные звуки и громкий, горячий шепот зятя. Из слов разобрала:

«Ты моя сирень! Даришь мне такое блаженство! Я на краю неба!» Закрыв рот ладонью, чтобы невольно не закричать, вжалась в стенку, чтобы не выдать своего присутствия. «Сирени»-то на тот момент было восемьдесят четыре года, а ему тридцать!

После, когда мы с соседкой были одни, я потребовала объяснения. На что та спокойно, особо не мудрствуя и не вдаваясь в подробности, всё рассказала. По её богатому опыту она поняла – не возраст играет главную роль в отношениях между женщиной и женщиной, а искусство и умение доставить партнеру радость в любви, и что Наталье с Виктором не жить вместе из-за банальной сексуальной несовместимости.

Дочери я ничего не сказала, а у Виктора потребовала разобраться в своих пристрастиях, на что он собрал вещи и под надуманным предлогом ушёл. Вскоре оформили развод.

Мы, как мудрые женщины, обе хранили тайну, но как-то зимой соседка сильно простудилась, к вечеру стало совсем плохо, и она попросила вызвать «Скорую». Когда врач осмотрел её, то вызвал меня в коридор и негромко сказал, что состояние больной очень тяжелое, и они её будут госпитализировать. Пока он мне всё это говорил, я наблюдала за Любовью Андреевной, та же, оставшись одна, вытащила из-под подушки зеркальце и губную помаду и одним уверенным движением умело накрашила губы.

Она уже стояла на берегу неба, но до последнего вздоха оставалась настоящей женщиной!

МУКИ ЛЮБВИ

Ну, вот и дождалась. Весна! То жара, сугробы тают на глазах, ручьи бегут, птички щебечут. А то всё небо обложит и сыплет крупным снегом, выюжит. Голова раскалывается от пульсирующей крови. Давление зашкаливает немилосердно. Лежишь, не в силах подняться: только встал, уже устал. Состояние под названием «ёжик в тумане». Мозги напрочь отказываются соединять слова в предложения. Природа просыпается, но как-то тяжело, словно с похмелья.

Аська валялась на дорогом ковре и диким голосом орала:

– УмрррАю! УмрррАю!

При этом извивалась всем своим прекрасным телом, катаясь из стороны в сторону.

– Боже мой, что делать? Как помочь? – восклицала Вера, хозяйка стольдорогой и престижной бенгальской кошки. Айболит заверил, что для «любовных мук» кошечка ещё мала, что можно не волноваться. Но, видно, он ошибся: от здоровой и сбалансированной пищи, похоже, «девушка» созрела раньше времени.

Семья спутала день с ночью, никто не спал, не занимался привычным делом, все были истерзаны Аськиными муками. Верин муж держался из последних сил. Он бредил мечтой: как откроет окно десятого этажа и, подхватив одной рукой извивающееся тело ненавистной кошки, отпустит его в свободный полет, придав хорошее ускорение. И чёрт с ними, с баксами!

Аська же знала, что хотела и кого. Этажом выше живёт воспитанный британец благородных кровей. Невыносимо красивый и умный. Мечта всех кошечек. Зовут его сэр Ричард.

Рич, получив очередную вкусняшку от хозяйки, невозмутимо прошествовал к своему тайнику. Про эту зачачку никто в доме не знал. Там он собирал для своей возлюбленной дары. Это были всякого рода кошачьи вкусности и милые сердцу игрушки, обворожительно пахнущие для кошачьего носа. С такой игрушкой не только здорово поиграть, но и спать с ней в обнимку сказочно. Теперь бы незаметно проскользнуть в неосторожно приоткрытую дверь и, держа в зубах, что-нибудь из подарков, стремглав вниз, в подвал, где была властительница его сердца, бездомная Мурка.

Мурка, умудрённая жизнью кошка жила в теплом и сыром подвале. Это её дом. Здесь она родилась. Единственная выжившая после того, как разразилась чумка, истребив всё кошачье племя подвала. Переболев и ослепнув на один глаз, она стала признанной хозяйкой нового содружества. Даже коты её уважали за ум и опытность. Но близилась старость, а с ней навялятся болезни и голод. И в одну из ночей затаившие зависть и злобу несколько молодых котов разорвут её на части. Что делать? Не так уж стара, но ужасные условия жизни сократили её век.

Она лежала на толстой и теплой трубе, свесив длинные лапы и хвост, грела живот. Как вдруг увидела, что на ступеньках появился этот придурок с третьего этажа, который безумно любил Мурку и неловко добивался её расположения своими глупыми подарками. Ричард, аккуратно ступая своими бархатными лапками, медленно продвигался к своей мечте. Подойдя к трубе, он положил игрушечную мышку перед своей дамой. Она же, царственно восседая, думала: «Да уж, взгляды на жизнь совершенно несходные. Какой разный менталитет. Что может меня роднить с этой «диванной подушкой»? Но надо думать о будущем. Брак будет по расчёту». И с этими мыслями она поднялась на лапы, сделав спинку горбиком и жидкий хвостик трубой, ещё раз продемонстрировала себя во всей кошачьей красоте. У Рича что-то рвануло в груди и защекотало в животе.

Хозяйка Ричарда услышала тихое мяуканье. Поняла, что давно не видала своего любимца. Наверное, он опять удрал в подвал к этой вшивой кошке, а теперь вернулся и стоит у закрытой двери. Через секунду она увидела потрясающую картину. На коврике перед дверью сидела парочка. Это были Рич и его Мурка. Он сделал выбор и привел невесту в дом познако-

мать с родными. Мурка, нисколько не смущаясь, первая переступила порог, за ней Рич. Дверь закрылась.

А в подъезде всё слышалась душераздирающее:

– «УмрррАю. УмрррАю...»

СЧАСТЬЕ

Мы с Людой ровесницы и подруги.

Моя бабушка не одобряла этой дружбы. Я из «приличной», интеллигентной семьи, представительница старинного рода, пай-девочка. У меня чудесная библиотека детской литературы, по этим старым книжкам читали сказки ещё моей маме. Занималась музыкой у самой Марии Николаевны, бывшей княгини и известной пианистки, теперь живущей с нами по соседству в глинобитном доме бывшего бая.

Люда же – моя полная противоположность. Жила с матерью-одиночкой, которая особенно себя не утруждала любовью и заботой о своем единственном ребенке. Люда росла, как дикая трава. Бегала в грязной майке, заправленной в трусы, и всегда босиком. На голове непонятного цвета волосы, затянутые черной аптечной резинкой, и давно не знавшие мыла и расчески. Личико в грязи, ногти черные и нестриженные, Люда их периодически грызла. И постоянно голодная.

Когда у меня выдавалось свободное время, я бежала на улицу к своей подруге, тайком прихватив что-нибудь с кухни. Кусок хлеба и, если повезёт, колбасу, сыр или конфеты. Набирала как для себя и даже больше. Мы уединялись в нашем самом любимом месте, где большой арык делал крутой изгиб, образовав тем самым полуостров. Там росло старое, раскидистое дерево грецкого ореха, а под его тенью, по самому берегу с живительной влагой, росла изумрудная трава. Это было наше место. Сюда никто не приходил. Здесь нам не мешали играть и фантазировать.

Люда никогда не оставалась у меня в долгу за мои угощения. Она считала делом чести отблагодарить. Мы жили в Старом городе, где глинобитные домишки без окон выстраивали свои нескончаемые лабиринты узких улочек и тупиков. Неместные всегда здесь подолгу плутали. Сохранились в неприкосновенности и национальные традиции. Два раза в неделю приходил в наши края Бабайка, старый узбек, приносил с собой приготовленные им восточные сладости. Это были или воздушная кукуруза или мешалда (взбитые белки с сахаром, моя бабушка это называла культурно – «гоголь-моголь»). Родители категорически не разрешали мне это есть, так как всё это готовилась в антисанитарных условиях. Но вкуснее сладостей, чем у Бабайки я нигде не пробовала! Он свои вкусности продавал за пятаки или менял на пустые бутылки. Так вот к нашей встрече Люда находила на помойке пустые бутылки, отмывала их и меняла на сладости. И мы, уединившись под деревом, поедали их с ни с чем не сравнимым блаженством.

Однажды вечером мама пришла с работы и принесла большую коробку необыкновенной красоты и, положив её на стол, сказала, что внутри – не менее чудесный подарок, и получу его только при одном условии, если бабушка подтвердит, что я вела себя безукоризненно. Мои глаза наполнились слезами, и я опустила голову, сказочного подарка мне не получить, это точно. Но вдруг, совершенно неожиданно, бабушка сказала, что если не учитывать некоторые небольшие нарушения в моём поведении, то есть шанс получить его. Я не верила своим ушам. Посмотрела на бабушку. Она улыбалась так, как могла улыбаться только моя горячо любимая бабуля.

Когда открыли коробку, я обомлела – в ней лежало платье сказочной принцессы. Мне разрешили его примерить. Весь вечер порхала в нём словно мотылёк. И ужасно расстроилась, когда пришло время ложиться спать и надо было расставаться с этим «чудом». С большой осторожностью сняла его, попросив не убирать далеко, чтобы я могла всё время видеть. Мне пошли навстречу, и всю ночь платье висело на стуле рядом с кроватью. Я лежала и мечтала, как пойду в нём в гости или буду выступать на сцене на ближайшем концерте. А когда заснула, оно

превратилось в сказочное розовое облако. Первое, что увидела, утром проснувшись – было моё платье. Сердце пело.

День пролетел как миг. Мне не терпелось поделиться своим счастьем с ближайшей подругой. Когда нашла её, она горько рыдала, размазывая крупные, как горох, слёзы по грязному личику. Рассказала, что вчера мать пришла пьяная и злая, а она не успела спрятаться, и её выпороли ни за что. Подняла майку и я увидела на худой спинке розовые следы от ремня. Подруга так горько плакала, что я не удержалась и тоже заревела. Пока ревела, у меня созрел грандиозный план. Схватив Люду за руку, потащила к нам домой, та упиралась, что есть сил, приговаривая, что моя бабушка её и на порог не пустит. Но моя непоколебимая решимость сломила упорство подруги.

Когда мы, обе рыдающие, предстали пред очами бабули, та всплеснула руками. Я выложила свой план. Она подумала немного и дала своё согласие. Работа закипела, и к вечеру мы любовались результатом. Вымытая до белизны и причесанная Люда стояла посередине комнаты в моём платье. Неожиданно она оказалась тоже блондинкой, как и я, и поэтому ей так же шло это розовое в оборочку «чудо». Подруга боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть волшебство преображения из гадкого утёнка в прекрасную птицу. Её глаза казались огромными, они светились неземной радостью. Люда вся была воплощением счастья. От увиденного результата наших усилий и произошедших сказочных перемен в моей подруге, моя душа запела. Я радовалась чужому счастью больше, чем своему. Это неповторимое чувство, сделать другого счастливым!

Предвкушая, какое впечатление произведет новый облик Люды на её мать, помчались на автобусную остановку. Когда та вышла из автобуса, мы замерли и перестали дышать. Ждали, по меньшей мере, взрыва бомбы. Но женщина безразлично скользнула взглядом по одиноким детским фигуркам и прошла мимо. Она не узнала свою дочь.

МАМЫ РАЗНЫЕ НУЖНЫ

Был воскресный день, и мы, по нашей семейной традиции, сидели за праздничным столом, сервированным по всем правилам этикета, вплоть до льняных салфеток. Обед чинно подходил к концу, когда раздался условный свист, который был сигналом к тому, чтобы я вышла на улицу. Это подавал знак наш друг по играм – сосед Бахтиярка.

Я подняла глаза и сразу же встретилась с бабушкиным строгим взглядом. Из-за стола до окончания обеда можно было выйти только по разрешению старших. Опустив голову, я продолжала есть. Вдруг снова раздался свист. В нем звучала тревога и нетерпение. Поняла, что случилось что-то очень важное, и мне непременно надо на улицу. Меня отпустили.

Как только оказалась во дворе, из кустов ринулся Бахтеяр, схватив за руку, оттащил подальше и горячим шепотом, скороговоркой стал говорить:

– Там Людку убивают. Она съела кусок колбасы, которую её мать купила для своего хахала. Надо спасать... Он не успел больше ничего сказать, я сорвалась с места и понеслась быстрее ветра, потому что прекрасно знала и наблюдала Людкину мать в гневе.

Когда мы добежали до места казни, то увидели жуткую картину. Держа Людку за руку, мать била своего ребенка смертным боем. Войдя в раж, женщина потеряла контроль над своими действиями. Она превратилась в фурию. Детская кровь смешалась с пылью.

Люда кричала душераздирающим голосом, от которого у нормального человека мурашки по коже:

– Мамочка, миленькая, я большое никогда, никогда не буду. Не буду...

– Я тебя научу на всю жизнь, как воровать из дому. Выворачивая тонкую детскую ручонку, она старалась нанести ребенку удар посильнее и побольнее. Дубасила Люду со всей силой, маленькое же тельце извивалось у неё под ногами и кричало от боли. Удары сыпались один за другим, не разбирая, куда бьёт, по голове, по телу, по ногам. Мать била своего ребенка насмерть.

Я растолкала толпу зевак и, реально оценив обстановку, рванула вперед. Увидав вновь занесенную руку для удара, вцепилась в неё зубами, бульдожьей хваткой. Женщина взвыла от дикой боли, я же почувствовала солоноватый вкус её крови во рту. Она отпустила дочь, которая безмолвно, словно тряпичная кукла, упала на землю. Я продолжала висеть на руке ненавистной бабы. Освободившейся рукой она ударила меня. Больше ничего не помню. Потеряла сознание от избытка чувств и удара по голове.

Люду с многочисленными ранами, переломами и сотрясением мозга увезли на «Скорой» в больницу, в какую – от меня тщательно скрывали.

РОЖДЕСТВО

Вера не любила праздники. В эти дни особенно остро ощущаешь одиночество. Одиночество хрустальным звоном звучало в её душе. Спешащие и озабоченные предпраздничными хлопотами прохожие раздражают своей суетой, ожиданием веселых выходных, богатым застольем, звонким смехом, вручением подарков, пусть ерундовых и ненужных, потом забытых и выброшенных, но сам процесс получения загадочной нарядно-блестящей коробочки тревожит и приятно греет душу. Город наконец-то дождался снега, и всё сразу стало на свои места. И белый пейзаж, и автомобильные пробки, и радостно-возбужденные снующие люди. Богато нарядные до неприличия витрины магазинов околдовывали своим великолепием. Разноцветное мерцание гирлянд. Всё очень красиво, глаз не оторвать. Сказка наяву.

В комнате было холодно и неуютно. Первый этаж «хрущобы». Все старые дома, которые стояли рядом, давно были снесены, а их, как заколдованный, всё стоял и стоял, портя своим убогим видом близлежащий ландшафт. Место завидное – в самом центре города. Вокруг уже давно высились громады многоэтажек, заселенных, в основном, богатыми приезжими. Эти дома вели себя нагло, отгораживали непомерно большое пространство вокруг здания, имели только один вход, с устрашающими стражами у ворот, кучей видеорекамер по периметру. Покой новоявленных «буржуинов» охранялся отлично.

Заезжали туда редкие по своей стоимости и красоте иномарки, пешком же входили люди, которые работали прислужкой.

Вера тоже хотела устроиться туда работать, но её дальше проходной не пустили. «Накачанный» молодой человек, уничтожающе взглянув на её худосочное сложение, буркнул, что она не подходит по возрастному цензу, и вообще у неё нет никаких шансов. Работа ей была нужна позарез. После того, как она впервые получила полагающуюся ей пенсию на руки, она испугалась. Всё не могла понять, как же теперь жить-то? Только придя домой и разложив на старом столе, покрытом потрескавшейся от времени, давно потерявшей свой цвет клеенки деньги, она заплакала.

Всё упиралось в поиски дополнительного заработка. Но кто и куда её возьмёт работать? Вера не подходила ни по каким параметрам. Вокруг только новые дома, куда и соваться, как она уже поняла, не стоит. И только в центре этого микрорайона возвышался огромный дворец-офис одной из богатейших компаний. Здание своим великолепием подавляло всё вокруг. Оно было из стекла, отражающего свет, и поэтому парило над всем. Сколько было в нем этажей, Вера и не пыталась посчитать. Бесполезно. Здание олицетворяло мощь и богатство, не поддающееся осмыслению для простого человека. Архитектура здания была, как из страшного сна, не связанная ни с одним историческим течением. «Оно» вообще не имело отношение к земной цивилизации, это что-то из других миров, словом, совершенно инородное тело. Если только его представить где-нибудь в нейтральном месте, например, посередине бескрайней пустыни, может быть, там и смотрелось бы гармонично. Но здесь оно повергало в ужас. В народе его называли «замок Людоеда» – таким оно было устрашающим. Архитектура здания несла большой заряд негатива. Вера не ходила туда спрашивать о работе. Она боялась подходить к нему близко.

Сегодня, всегда молчавший телефон, вдруг зазвонил. От неожиданности Вера вздрогнула. Осторожно подняла трубку и тихо сказала:

– Алло, – была уверена, что, скорее всего, ошиблись номером, но нет. Это звонила её знакомая из прошлой жизни – Тамара. Сначала та грубо пошутила, что подруга её ещё жива, потом сообщила, что у неё, у Тамары, всё в порядке и сразу же приступила к делу, решительно сказав, что Вера должна, да просто обязана, её выручить, так как они «старинные друзья». Короче, ей позарез надо уехать на праздники, а Верунчик подменит ее на работе. С началь-

ницей договоренность уже достигнута. Вера испугалась такого натиска и, самое главное, неизвестности. Но подруга, почувствовав, что всё может сорваться, начала яростно уговаривать. Говорила, что работа плёвая и нервов не стоит, и работать она будет только в ночь, когда все сотрудники будут дома – то есть ночной уборщицей.

– Полы-то не разучилась ещё мыть? – грубо засмеялась в трубку.

– Короче, бери карандаш и записывай адрес – и Тамара продиктовала. Вера ахнула – это был «дворец Людоеда».

Они встретились вечером у служебного входа. Вера не узнала свою подругу: та хоть и была моложе, но выглядела намного старше своих лет и одета в дорогое, но всё какое-то замызганное. «Наверное, пьёт», – почему-то подумала Вера, тем более при разговоре чувствовался сильный запах перегара. Тамарка взглянула оценивающим взглядом и сказала:

– А ты, Верка – сушёная вобла. В твоём возрасте неприлично ходить с таким весом, гы-гы-гы!

Она подхватила её под руку и потащила ко входу. Стеклопакеты сами открылись, и женщины оказались в большом зале, залитом светом. Потолка не было видно, людей тоже. Если это служебный вход, то какой же тогда парадный?

– Привет, Сашок! Это я свою замену веду. Всё согласованно, – непонятно кому сказала Тамара, потому что в зале никого не было видно. Подошли к лифту из будущего столетия – большому и красивому. Неслышно открылась дверь, и они вошли. Вера не успела открыть рот от удивления – вместо стен были зеркала во всю высоту, это давало ощущение, что они в другом измерении. Она хотела что-то сказать, но двери снова открылись, и они попали в очень длинный и просторный коридор, конца которого не было видно. Тамара сделала несколько шагов и резко толкнула совсем незаметную дверь. Это была большая комната, в которой очень аккуратно на полках стояли всякого рода приспособления и средства для уборки, все новое и импортное.

– Я не справлюсь, – неуверенно и тихо сказала Вера.

– Не бойсь! Полы мыть – не велика наука! Человек с двумя верхними образованиями одолеет, – это был тонкий намек на Верино образование.

– Так, слушай меня внимательно и запоминай! Моешь месяц. Получаешь... – и Тамара назвала сумму. У Веры подогнулись ноги.

– Что ты такие страшные глаза сделала? Что, мало? Но мне-то самой тоже надо что-то оставить на пропитание, – неправильно истолковав реакцию подруги, сказала Тамара.

Вера потеряла дар речи не оттого, что мало, а оттого, что много. Подруга поколебалась и щедро добавила ещё.

– Вот теперь всё.

– Но получишь деньги только, когда я приеду, – не терпевшим возражений тоном сказала Тамара, а про себя подумала, что фигушки она даст Верке деньги – жирно будет. «Отдам ей старую дубленку, которая на меня уже не лезет, и будет счастлива, а то вон, все бегают в болоньевой куртке на ватине, и как это люди не мерзнут в такой одежонке?» – искренне удивилась она.

– А сейчас мой полы и мечтай, на что потратишь эти, с неба свалившиеся на тебя, деньги, и мне не забудь сказать «спасибо», что помню подругу и твою мне помощь, когда мне совсем лихо было. Долг платежом красен! – назидательно сказала Тома. – Только смотри, не подведи меня! Алкоголя ни-ни-ни! (Это она озвучила, вероятно, свою проблему)! И мой чище, чтобы мне потом за тебя не краснеть! Поняла? Всё, приступай!

Мыть надо было, конечно же, туалет, и тем более, служебный. Подруга, вероятнее всего, особо не усердствовала с уборкой. Наводила только внешний глянец для начальства. А Вера не такая – по природе своей она всё доводила до идеала. Поле для деятельности было огромным. После нескольких смен помещение было не узнать. Фаянс белел свежестью первого снега,

никелированные краны слепили своим блеском. Везде была бумага и чистые полотенца. Вера получала практически физическое удовольствие от хорошо сделанной работы. Страх и скованность прошли, и она спокойно вкалывала на полную катушку. Уставала ужасно, благо, что жила рядом. Приходила и падала замертво.

Праздники шли своим чередом. Организация была на больших каникулах. Гуляли с размахом с 25 декабря и до Крещения. Начиная с офисного планктона и кончая самыми высокими директорами, люди с удовольствием тратили свои деньги на отдых и праздники. Само здание не пустовало. Обслуживающий персонал работал круглосуточно, поэтому и Вера работала каждый день. Последнее время она стала бояться людей. Но за всё время работы она не встретила ни одного человека. Это радовало.

Сегодня праздник из праздников – Рождество!

Она закончила уборку. Ещё раз с удовлетворением осмотрела своё хозяйство, которое блестело, сверкало и благоухало свежестью хвойного леса. Осталась довольна. Тихо прикрыла дверь и пошла к служебному лифту. Ещё не ощущалось страшной усталости, её заглушал душевный подъем и удовлетворение. Вера была человеком с очень тонкой духовной организацией. И поэтому чувства превалировали над телом. Это потом, когда она ляжет в постель, начнет отниматься спина, будут ныть руки и сведет судорогой ноги, превращая её в один комочек боли, но она знала, как справиться с этим. Мысль, что завтра она снова будет мыть и чистить и доводить всё до совершенства, её вдохновляла. Сама над собой засмеялась. Скажи ей кто-нибудь раньше, что будет получать удовольствие от наведения чистоты в отхожем месте – она бы никогда не поверила.

Вера так и ехала с улыбкой на лице. Как вдруг, лифт беззвучно остановился, и двери открылись. Перед входом стоял немолодой человек в поношенном пуховике и с потертым кейсом в руке. Обувь была тоже не первой молодости. Он скользнул взглядом по Вере и, не говоря ни слова, зашел в лифт, встав к ней спиной, нажал на кнопку. Она смотрела ему в спину и думала, что он не здешний. Даже последние рабочие этой организации имели возможность приличнее одеваться.

– Я курьер, – словно прочитав её мысли, сказал человек. Вера зарделась. Она совсем забыла, что вместо стен были зеркала, и он мог видеть её оценивающий взгляд.

Вдруг лифт резко остановился, но двери не открылись. Неужели застряли? Яркость света уменьшилась, отчего сразу стала намного уютнее.

Мужчина так и стоял спиной к Вере. Медленно подняв голову и покачав ею из стороны в сторону, сказал:

– Никогда не мог подумать, что у такой фирмы могут случаться поломки.

Вера испуганно:

– Как поломки?!

– Ну вот, застряли же...

– А может быть, на что-то надо нажать, и он поедет?

– Нет, не поедет. Придется ждать аварийку. Но вы не бойтесь, в таких организациях проблемы решают быстро. И потом, провести время с симпатичной женщиной – всегда приятно.

При этих словах он повернулся к Вере. Искусством ведения беседы Александр Александрович владел виртуозно. Потихоньку, чтобы не спугнуть её, он начал разговор.

Дверь в спецкомнату резко распахнулась, и в неё ввалилась личная охрана Президента Холдинга. Люди, сидящие за мониторами, невольно поёжились, очень уж большая разница у них с телохранителями во всем – ив статусе, и в зарплате. Везде стояло первоклассная аппаратура, которая транслировали всё, что происходило в здании. В креслах сидела охрана, которая внимательно наблюдала за работающими экранами. Если телохранители здесь, то и он тоже здесь. Но где? Все взгляды устремились на монитор, который был установлен в служебном лифте. Там ехала какая-то «серая мышь», вероятно временная уборщица. Вдруг лифт остано-

вился и в него вошел человек. Он встал лицом к дверям, то есть к камере, и они сразу же узнали под черной вязаной шапочкой серьезное лицо шефа. Лифт тронулся и через пару секунд аварийно застрял. Телохранители напряглись. Шеф слегка покачал головой из стороны в сторону и произнес условную фразу, которая означала: «Не вмешиваться! Ничего не предпринимать до его указания».

Царь чудит. «Царём» его называли все служащие. А вот про его чудачества знал очень узкий круг людей. Как у очень богатого человека, за Сан Санычем водились причуды, не совсем понятные простым обывателям.

Вот, например, зачем ему надо было отвалить огромную сумму за старую пятиэтажку, которая, как забытая старая рухлядь, стояла среди новых домов, недалеко от фирмы. Ладно, если бы он с ней что-нибудь сделал, а то нет, дом просто стоит и даже никто из жильцов не знает, что их давно купили со всеми потрохами. Живут себе и живут, не понимая почему «прогресс» не коснулся их развалюхи. Оказывается очень просто, в одной из этих квартир давно-давно жил маленький мальчик по имени Саша со своей бабушкой, которая заменила ему трагически погибших родителей. Он был сирота. Поэтому панически боялся, что может так же легко лишиться больной и старой бабушки, с её любовью к нему, домашними пирогами, её миром, который обворожительно пах прекрасными духами «Красный мак». Теперь, когда он вырос и стал совершенно другим, ему безумно дорога возможность, когда особенно тоскливо на душе, переодевшись, слиться с многоликой толпой мегаполиса, просто приехать на метро к заветному дому, вытащить старый ключ из кармана, открыть заветную дверь и войти в нетронутый мир его детства. Ему до боли знакомо всё в этой квартире, от мебели, занавесок, его любимой чашки с лисичкой до бабушкиной расчески около зеркала. Всё так, как было тогда. Он, счастливец, мог купить себе возможность возвращаться в своё детство не виртуально – в воображении, а реально – наяву.

Все, кто пришел в мониторинговую, смотрели на экран не отрываясь. Там разворачивались непредсказуемые события. Звук врубили на всю катушку, даже дыхание из лифта было слышно. Все смотрели, как зачарованные, не отрываясь. Слово за слово лилась речь, сначала это был простой, ни к чему не обязывающий монолог, а после того как они вдруг выяснили, что он жил в её доме, начались воспоминания. Оказывается, она прекрасно помнит его бабушку, а он вспомнил красивую женщину, которая была Верининой мамой. Припомнили забавные случаи из ихдетской дворовой жизни. Вера уже не смущалась, и они вместе радостно смеялись. Время летело. Они незаметно становились друзьями, которых связывает самое дорогое и искреннее – воспоминания детства. И она уже давно не чувствовала неловкость перед чужим человеком. Это был её человек, часть той такой далекой и счастливой жизни. Они понимали друг друга с полуслова.

Время. Мысль о скором расставании её испугала. Да, а кто он теперь? Верно женат, и у него семья, дети. И, скорее всего, она его больше никогда не увидит. От этой грустной мысли оборвался её звонкий смех. Повисла пауза.

Саша-курьер, не сводя глаз с Веры, медленно стянул с головы свою черную шапочку. Его лицо мгновенно изменилось. Перед ней стоял идеально подстриженный, с красивым лицом и благородной сединой на висках, чужой человек. Он не тот за кого себя выдает. Всё это: черная вязаная шапочка, плотно надетая до бровей, эти руки в старых перчатках, это всё искусный камуфляж!

От неожиданного его превращения Вера похолодела. Она вжалась в стенку лифта, желая слиться с ней в одно целое и раствориться. Воспользовавшись её замешательством, Александр Александрович Воронцов, Президент Холдинга, медленно подошел к ней, взял руку, наклонился и нежно поцеловал. Посмотрев ей в глаза, сказал:

– Вера! Выходите за меня замуж!

После заключительной фразы повисла звенящая тишина по обе стороны. Никто не мог пошевелиться.

И где-то сверху, с ночного неба, среди Рождественских звезд на них смотрели и счастливо улыбались Сашина бабушка и Верина мама.

КОШКИ

Моя знакомая работает в очень большом и престижном зоомагазине. В нем есть всевозможные отделы, но для привлечения покупателей существует и маленький веткабинет для простых и несложных манипуляций. Работают там стажерки – студентки Ветеринарной академии – Олечка и Светочка. Прилежные и любящие всякую животинку девушки. Чтобы стать хорошими и знающими врачами они стараются побольше наработать опыта. Девушки с большим усердием помогают всем, кто к ним обратится за помощью. Так и в этот раз случилось. Пришла знакомая «кошатница» Татьяна, она кормит всех бездомных кошек в округе, тратя на это всё своё время и деньги.

Это такое условное деление людей:

«КОШАТНИКИ» – обожают кошачью породу, всю без исключения от мала до велика, независимо от породы.

«СОБАЧНИКИ» – на первое место ставят собак и любят их за невероятную Преданность с большой буквы, за отважное сердце и безграничную любовь к своим хозяевам. Как в народе говорят: хочешь преданного друга – возьми собаку, а, взявши кошку, будь готов к роли обслуживающего персонала. Кому что по душе!

«НЕЛЮДИ» – третья группа товарищей, которые ненавидит всё живое. Их видно уже с детства. Вот совсем ещё несмышленный малыш, но уже кидает камнями в стаю голубей. Школьник – выкалывает глаза котяткам. А будучи взрослым, он сдирает с живых собак шкуры для пошива дешевых шапок.

Так вот, появление «кошатницы» Татьяны в дверях кабинета, означало, что она принесла очередное бездомное и искалеченное животное. Оля и Света перестали разговаривать и, поставив свои кружки с чаем на столик, вопросительно смотрели на Таню. Та тяжело вздохнула и, махнув рукой, молча подошла к смотровому столу, положила на него маленький сверток из ткани, в некоторых местах сочно пропитавшийся кровью. Девочки подошли. Никто не решался развернуть его.

– Вот! Не знаю, собрала всё, что от него осталось. Может быть, получится собрать воедино. Нашла на мусорке. Собаки порвали...

Света, как более опытная, надев перчатки, потихонечку стала развязывать узелок, разматывая ткань. То, что они увидели, их потрясло. Это было месиво из шерсти, мяса, костей и крови. Они разом ахнули.

Стояли молча, понимая, что в таком случае уже ничем не поможешь.

– Мне кажется, он уже мертв! – тихо сказала Света. Вдруг то, что раньше было лапкой, шевельнулось.

Жизнь ещё теплилась. Желание жить было огромным. Это послужило сигналом к немедленным действиям. Охающую Татьяну тут же выпроводили за дверь, которую затем предусмотрительно закрыли на ключ, чтобы никто не мешал. Работать придется долго. И девочки приступили к спасению маленького существа с живой душой, которое очень хотело жить, наперекор всем разумным доводам не в его пользу.

Работа кипела. Незаметно пролетели несколько часов. Самое главное – кости были целы. Остальное промывали, складывали и сшивали. Всё было обработано, засыпано лекарством, сделаны все необходимые уколы. Забинтовали всего, оставив только глаза и поцарапанный нос. Бесчувственное тельце вынесли из кабинета и поместили в самую дальнюю клетку, чтобы никто не видел и не беспокоил. Теперь нужно время. И судьба сама решит. Назвали Фениксом, с надеждой на возрождение из «пепла». Шло время. Феню (Феникса) регулярно перебинтовывали, проделывая все надлежащие процедуры, ставили капельницы. И ждали. А он молча боролся, иногда просыпаясь, открывая свои мутные глазки, ничего не понимая.

Не прошло и несколько дней, как Татьяна снова появилась в дверях с привычно просящим взглядом, в этот раз у неё в руках был цветастый полиэтиленовый пакет с ручками, в нем что-то шевелилось. Все молча снова собрались у стола. Татьяна осторожно стала переворачивать пакет, чтобы его содержимое выпало на белоснежную простынь.

Выпал котенок-подросток – на вид ещё годика нет – серенький в скромную полосочку с янтарными глазами и щедрым серым горохом по бежевому мохнату животу.

Он лежал, как тряпочка, не в силах поднять голову, только ушки шевелились и в глазах глубокая невыразимая боль. Худющий – «стиральная доска». Татьяна бойко отрапортовала, что как обычно, в своё время, она пришла на мусорку кормить бездомных кошек, а там, в стороне, подростки, похоже, играли в футбол. Но ей что-то показалось подозрительным и хорошо присмотревшись, она увидела, что пинают котенка, а тот, уже смирившись со своей горькой судьбой, не пытался ни убежать, ни сопротивляться. Подростки «ржали» во всё горло, было весело! Они, отбирая другу друга живой мяч, старались пнуть его подальше.

Татьяна заорала не своим голосом и понеслась на них с кулаками. Они, продолжая хохотать, не давали женщине отнять у них котенка. Помог пожилой мужчина, который проходил мимо и, заматерясь страшными словами разогнал эту свору. Подойдя к котенку, он потрогал его безжизненное тельце ботинком, коротко сказал:

– Годится только на помойку!

Татьяна, обливаясь слезами, наклонилась над тельцем и тихонечко погладила серую шкурку и к радости своей увидела, что самый кончик хвостика проявил признак жизни – несколько раз вздрогнул. Она молниеносно сгребла его в охапку и понеслась по знакомому адресу.

После тщательного осмотра, девочки высказали осторожную надежду. Котенок приложил все свои крохотные силенки, чтобы выжить. Вовремя правильно группировался «по кошачьей» науке, которая ему далась от рождения.

Известно, что падая, даже с очень приличной высоты, кошки могут распределять своё тело в полёте так, что приземлившись, практически всегда остаются целыми.

И здесь кошачья мудрость помогла – все удары приходились на мягкие части тела. Была сломана только одна передняя лапка, на которую и наложили гипс. Котенок оказался маленькой кошечкой. Назвали её Муньей.

На следующий день Татьяна снова робко приоткрыла дверь в заветную комнату. Девчонки хором закричали:

– НЕТ!!!

Но было уже поздно. Кошатница стояла передними, но странное дело – в руках у неё ничего не было. Олечка со Светочкой недоуменно переглянулись, не понимая, что ждуть.

«Разгадка» начала потихонечку мяукать. Было такое впечатление, что звук идет от самой Татьяны. Подумав, что это розыгрыш, начали смеяться. Как вдруг пальто на груди у гостьи зашевелилось, и после некоторых усилий на свет показалась мордочка котенка.

С первого взгляда им показалось, что это Мунька. Девчонки возмущенно затараторили, что её нельзя ещё таскать по рукам, тем более с гипсом. Татьяна молча, жестом показала на симпатичную мордочку. Они не сразу поняли в чём дело, только после того как хорошенько пригляделись, увидели – котенок был слепой, то есть у него совсем не было глаз. Сросшиеся веки обозначали то место, где должны были светиться волшебные самоцветы кошачьих глаз. Он родился таким.

Татьяна аккуратно вытащила котика из пальто и поставила на кафельный пол. Если бы не знать, что Мунька с гипсом дрыхнет после сытного обеда в своей комфортабельной отдельной клетке, можно было подумать, что перед ними она, только без гипса и глаз. Один в один, даже все полосочки совпадают. Близнецы! А что с этим-то делать? Куда денешь? И так уже двое без ведома хозяина живут здесь. А этот? Пока они думали «А этот» поводил своими

ушками, понюхал носиком и решительно, будто ясно видит цель, запрыгал «козлик» в сторону дивана. Внутренний радар работал безотказно. Он четко притормозил у ног Светланы. Ничего не оставалось делать, как взять его на руки. И всё! Закон такой. Взяв животинку на руки, не сможешь отдать обратно. Она поднесла его поближе, чтобы рассмотреть впадины от глаз. Совершенно неожиданно котенок протянул лапку и стал ею гладить Светкину щёку. Ну всё, решение было принято моментально. Он остается. Где двое, там и третий.

Татьяна счастливая улетела на вечернюю «кормежку», клятвенно пообещав, что как можно дольше не будет у них «светиться» в благодарность за слепенького.

Вот и конец рабочего дня. Светлана убежала на занятия. Ольга стала надевать шубку, чтобы уйти, как вдруг вспомнила, что они забыли совсем про Феньку. Надо было навестить его перед уходом. Котенок всё ещё был в критическом состоянии. Она пошла в конец коридора, вдоль клеток в первой же увидела Муньку. Кошечка только и занималась тем, что ела и спала. Вероятно, здорово настрадавшись на улице, никак не могла заняться чем-то другим. Ольга невольно засмеялась, когда увидела Муньку, спящую мертвым сном. Котенок лежал на спине, так как округлое, большое пузико не позволяло принять нормальную позу для сна, да ещё лапка в гипсе мешала, так остроумная киса пристроила её на стенку клетки, и она торчала и белела как шест, не мешая ей спать.

Вот и клетка с бедным Феней. Лежит так же, как его положили с утра, после очередной перевязки и уколов. Жалко, если не выкарабкается. Мелодично зазвонил мобильник. Девушка привычным движением поднесла его к уху и начала разговаривать, при этом машинально расправляя подстилку. Через некоторое время Ольга замолчала от неожиданного ощущения. Она медленно повернула голову в сторону клетки и увидела, что из дальнего угла, непонятно, где взяв силы, в полусознательном состоянии, весь перебинтованный котенок подполз к краю и, не держа от бессилия голову, стал лизать её руку.

Прошло время. Котята обжились. Особенно давал жару Слепыш.

В обеденный перерыв и перед закрытием им разрешалось побегать по торговому залу, немножко поразмяться. Умора смотреть, как Слепыш на приличной скорости убегает от Муньки, которая, ловко стуча своим гипсом, носилась за ним по всему залу. Все смеялись, наблюдая эту забавную катавасию.

В один из вечеров входная дверь резко открылась, и в дверном проёме показался «качок», у него в руке был листок со списком необходимого товара. Продавцы оживились, предвкушая хорошую выручку. Он подошел к кассе, протянув напечатанный список, небрежно бросил:

– Наберите и побыстрее!

Все кинулись исполнять сказанное и «побыстрее». Продавцы металась между стеллажами, складывая всё найденное у кассы. Гора товара росла на глазах.

Вдруг опять открылась дверь, и в магазин зашёл мужчина средних лет небольшого роста, в черном не застегнутом на пуговицы полупальто, вероятно, только что вышел из машины.

«Качок» сначала напрягся, а потом, увидев кто вошел, извиняющимся тоном тихо сказал:

– Вот, Сан Саныч, собирают. Жду.

Сан Саныч по-хозяйски стал расхаживать по торговому залу, рассматривая витрины.

И вдруг, совершенно некстати, в зал выкатилась пара играющих котят.

Сан Саныч удивился, но аккуратно на лету подхватил парочку на руки. И стал внимательно их рассматривать.

– Что это с ними?

Ему подобострастно рассказали всю историю временных обитателей лазарета. Во время рассказа он внимательно рассматривал котят. И спросив, как их зовут, так же аккуратно опустил их в свои карманы, из которых теперь торчали только довольные мордочки.

Кошки очень тонко чувствуют людей, плохому человеку никогда не дадут даже погладить себя. А здесь они приняли нового хозяина сразу и бесповоротно.

Сан Саныч объяснил растерявшимся продавцам, что, мол, котят у него будет лучше и веселее. Напомнив «качку» заплатить и за котят, вышел из магазина. Этот визит сделал месячную выручку магазина и с лихвой окупил потраченные на лечения деньги бывших и будущих пациентов.

P.S. Феникс оправдал своё имя – восстал из пепла. Теперь он живет у Ольги, так как полизав ей руки, тем самым отблагодарил и выбрал её в свои хозяйки.

КАРАМБОЛЬ

Боб любил, чтобы у него было всё самое лучшее. Комплекс нищего детства. Теперь он мог позволить себе это расточительство. Даже среди своих слыл снобом, и это ему нравилось. Именно у него было всё самое-самое, начиная от зажигалки, кончая шикарной виллой на острове.

– Ну, папусик, я тебя оочень прошу. Ну, возьми меня с собой, – ныла над ухом Бэби, его любовница. Тоже самая роскошная. Ноги от ушей, глазищи на пол-лица, грудь, ну словом, всё при ней. Правда, мозгов маловато. Иногда ему казалось, что они вообще отсутствуют, а честно говоря, зачем они ей?

– Малышка, пойми, там тебе делать нечего. От скуки умрёшь. Это деловая встреча, будут одни мужики и бильярд и всё.

– Билл и ард – это что? Когда шары катают по столу? Да?

– Ах ты, моя умница. Правильно, когда шары по столу гоняют.

– Ой, хочу, хочу! По телику видела. Там мужчинки такие красивые ходят с палками. Так интересно. Я буду, как мышка в уголочке. Никто даже не заметит.

– Да уж, тебя не заметишь!

У Боба выиграло знакомое чувство – покрасоваться и подразнить приятелей.

– Ну, хорошо. Иди оденься получше.

– Ура! Я еду! – завопила Бэби и, как маленький ребёнок, захлопала в ладошки.

«Полная дура», – подумал он.

Вечер был посвящен королю бильярда Стиву Бёрду. Это сейчас он Стив и живёт в своём маленьком дворце в Англии, а двадцать лет назад был Степаном Птичкиным и играл на деньги в подвалах. Сюда приехал по приглашению за большой гонорар продемонстрировать мастер-класс. Чтобы попасть на шоу, надо было выложить не только кучу баксов, но иметь огромные связи. Круг избранных был очень узок, только Боб, как всегда не смог отказать себе в удовольствии и приехал со своей «дамой», чтобы покрасоваться и показать, что он может легко заплатить за двоих. Никто, собственно, против не был. Многие знали Бэби и относились к ней как к красивому предмету интерьера, создающему хорошее настроение.

Маленький зал был оформлен с большим вкусом. В центре – ярко освещенный стол с синим сукном. Все гости расселись по креслам. Ожидали выхода мэтра. А вот и он. Высокий, стройный, холенный. Знали, что ему за пятьдесят, но выглядел намного моложе. Стив шёл с кием под аплодисменты, совершенно отрешённый, настроенный на игру. Начал сразу от трёх бортов. Присутствующие замерли от удивления и восторга. И вдруг осечка. Зрители ахнули. Гость смущённо погладил синие сукно. Повисла пауза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.